

10-254к

7

Л. И. ВИЛЕНСКИЙ

Сергей Петрович
БОТКИН

ОГИЗ
ИВАНОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1943

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

GEORGE HERBERT
BUTTS

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
PRESS

10-254к.

Л. И. ВИЛЕНСКИЙ

Профессор,
доктор медицинских наук

Сергей Петрович БОТКИН

94

ОГИЗ

ИВАНОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1943

2010

Редактор *М. Д. Шошин*.
Обложка художника *А. М.
Кузнецова*.

*

Подписано к печати 11/X 1943 г.
КЕ 1897. Тираж 5000 экз.
Печ. л. 7 $\frac{1}{8}$, 3 ч. изд. л. 0,65. В
печ. л. 35424 зн.

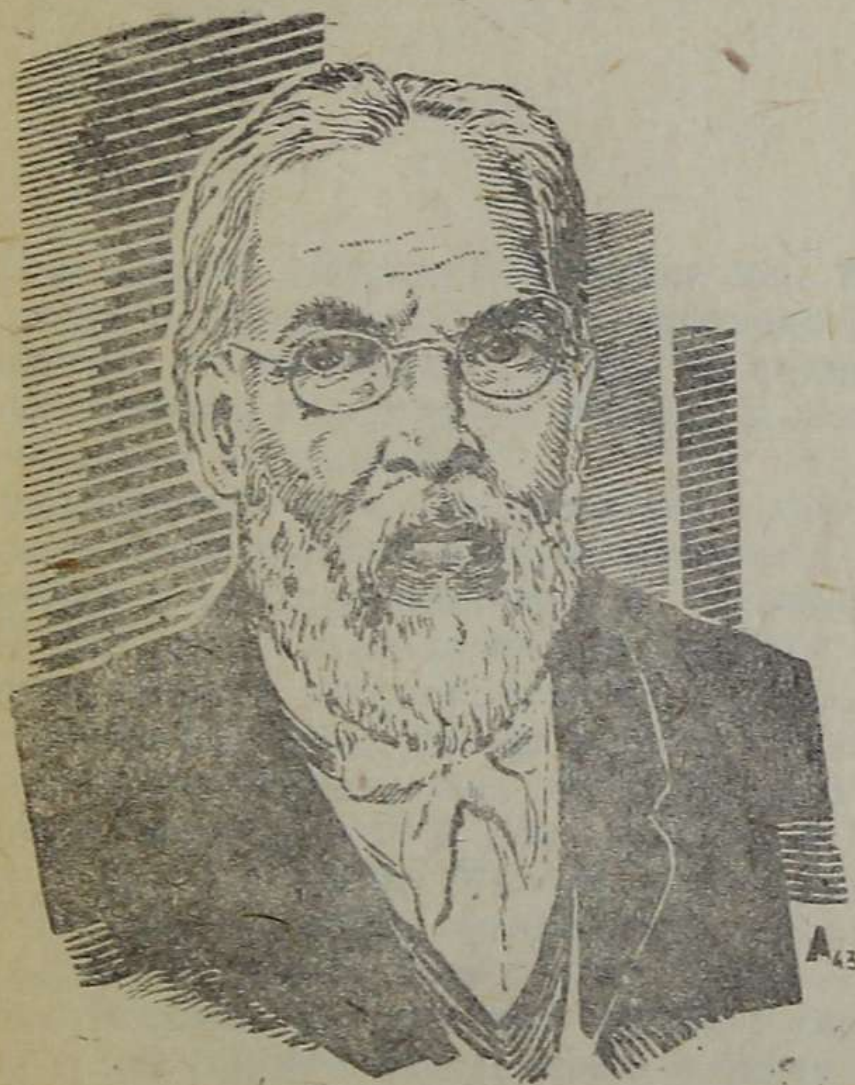
*

Типография издательства
Ивановского областного совета
депутатов трудящихся.
Иваново, Типографская, 4.
Заказ № 5049.

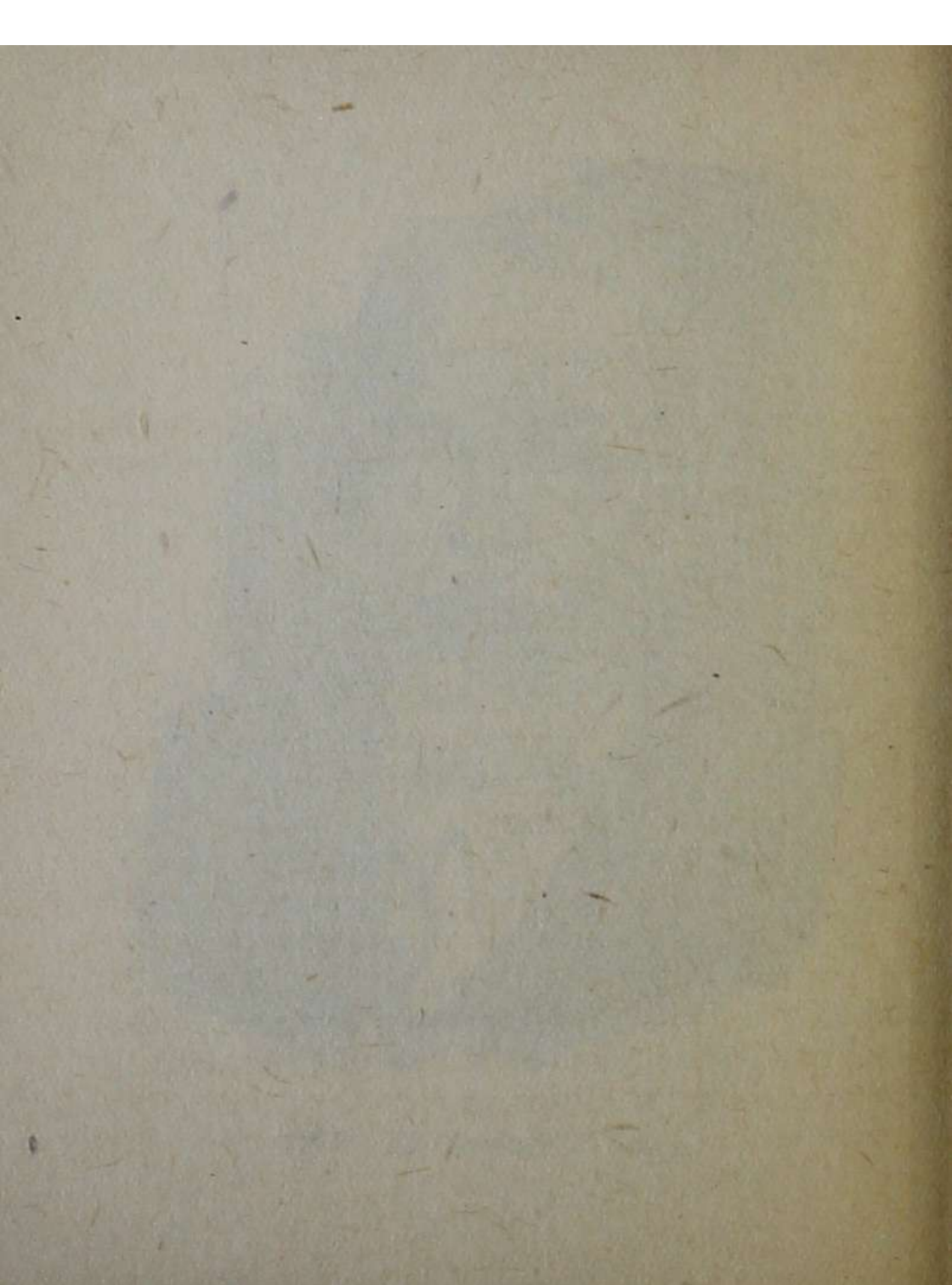
*

Цена 30 коп.

Сергей Петрович БОТКИН

Имя Сергея Петровича Боткина, как врача, ученого, профессора, под руководством которого воспитывались целые поколения врачей, широко известно не только в нашей стране, но и за границей.

Талантливый врач, выдающийся ученый, крупный общественный деятель, новатор и реформатор в области клинической медицины, С. П. Боткин по справедливости является основоположником русской клиники. Медицина как знание, как искусство врачевания существует века, но медицина как наука, как естествознание очень молода и у нас берет свое начало от С. П. Боткина. Мы гордимся им, как самобытным талантом, положившим начало отечественной школе терапевтов. Мы чтим память Боткина, как горячего патриота своей родины, оказавшего значительное влияние на освобождение русской науки от иноземной зависимости. Мы продолжаем учиться у Боткина любить науку, любить свою родину.

С. П. Боткин родился в Москве 5 сентября 1832 г. Дед его был крестьянин Псковской губернии. Переселившись в Москву, он занялся чайной торговлей. На воспитание Сергея Петровича оказал сильное влияние его старший брат Василий Петрович, который был членом кружка передовых русских мыслителей и литераторов, в состав которого входили Белинский, Грановский, Герцен, Огарев, Анненков и другие. В этой блестящей плеяде Василий Петрович пользовался репутацией одного из лучших знатоков Гегеля. Его собственные литературные труды и особенно «Письма из Испании» имели большой успех. Он глубоко понимал искусство и литературу и отличался большим эстетическим вкусом. Один из его братьев, Николай, был дружен с Гоголем, другой, Михаил — академик живописи и собиратель итальянских драгоценностей; им был собран музей редких коллекций в Петербурге.

Семья Боткиных была ярким оазисом в Москве, где всякий высококультурный интеллигент мог найти живой отклик на все вопросы современности. В их доме, на Маросейке, где протекали детство и юность Сергея Петровича, побывали лучшие деятели 30 и 40 го-

дов, что имело значительное влияние на общий культурный рост мальчика и юноши. До пятнадцатилетнего возраста С. П. Боткин воспитывался дома, а затем поступил в частный пансион Эннеса, где его больше всего привлекала математика, что соответствовало складу ума, искавшего в приобретаемых знаниях наибольшей точности и ясности. Его мечтой было посвятить себя математике, и он приготовился держать вступительные экзамены на математический факультет. Однако, к счастью для русской медицины, его мечте не суждено было осуществиться, так как по приказу императора Николая I прием на все факультеты, кроме медицинского, был значительно ограничен с целью уменьшения числа лиц с высшим образованием.

«Нет сомнения, — говорит его друг и биограф Белоголовый, — что и в математике он прославил бы свое имя и обогатил бы ее своей яркой даровитостью. Но еще более несомненно то, что в области кабинетной науки он не встретил бы возможности развернуть те гуманитарные и многообразные практические стороны характера, которыми так щедро его наградила природа и которые во врачебной деятельности, более чем в какой-либо другой,

находят самое обширное, повседневное приложение». Таким образом С. П. Боткин стал врачом как бы поневоле, а медицина благодаря сумасбродству Николая получила гениального врача.

Уже будучи в университете, С. П. Боткин обратил на себя внимание своими недюжинными способностями. Товарищи обращались к нему как к авторитету и третейскому судье, когда у постели больного возникали диагностические трудности. Следует отметить, что подобные обращения к нему товарищей он считал одолжением для себя, так как его пытливый ум постоянно стремился к разрешению сложных задач. Его талантливость, его стремление все понять, все объяснить заставляло его товарищей смотреть на двадцатилетнего студента как «на молодого орленка» (Белоголовый), испытывающего свои отрастающие крылья для того, чтобы в будущем высоко парить в небесах».

Из своих учителей С. П. Боткин с благодарностью вспоминает Ф. И. Иноземцева — профессора факультетской клиники и оперативной хирургии, физиолога Глебова и фармаколога Лясковского, которые сумели внушить студентам любовь к науке.

Заканчивая медицинский факультет, С. П. Боткин решил держать выпускной экзамен прямо на докторскую степень, несмотря на то, что по установившемуся правилу экзамены на степень доктора медицины обыкновенно происходили спустя несколько лет после окончания университета. Несмотря на большие трудности, Сергей Петрович благополучно сдал все экзамены. Он закончил университет в 1855 г. в тот момент, когда происходила Крымская война, и вскоре отправился в Симферополь с отрядом, во главе которого стоял знаменитый хирург Пирогов. Боткин с горечью вспоминает о тех неполадках, которые были тогда в госпитальном деле. Он воочию убедился в ужасных злоупотреблениях, которые производились царскими чиновниками, смотревшими на казенную собственность, как на общественный пирог, предлагаемый на съедение.

В своей речи, произнесенной по поводу 50-летнего юбилея Пирогова в обществе русских врачей, Боткин говорил: «Добиться того, чтобы кусок мяса или хлеба, назначенный больному, дошел до него в полной сохранности, дело было нелегкое в те времена и в том слое общества, который относится к ка-

зенной собственности как к общественному именинному пирогу, предлагаемому на съедение. По распоряжению Пирогова мы принимали на кухне мясо по весу, запечатывали котлы так, чтобы нельзя было вытащить из них объемистого содержимого, тем не менее все-таки наш бульон не удавался: находили возможности и при таком надзоре лишать больных их законной порции». С. П. Боткин, вернувшись с юга, вскоре уехал за границу, где обратил на себя внимание своими выдающимися способностями известного патолога-анатома Вирхова и физиолога Людвиг, которые пригласили его к себе работать. В своем письме к Белоголовому Сергей Петрович пишет: «Людвиг приглашает меня к себе работать, чем, вероятно, я и воспользуюсь со временем».

Вернувшись в Россию в 1860 г., Сергей Петрович был приглашен для работы в Петербург в качестве помощника профессора Шипулинского, заведывавшего академической клиникой медико-хирургической академии.

В начале 60-х годов после крымской кампании в жизни русского общества наблюдался необычайный подъем, отразившийся на литературе, науке и искусстве; коснулся он и

высших школ, в том числе и петербургской медико-хирургической академии. Сюда был приглашен целый ряд молодых ученых, уже известных своими трудами, помещенными как в русских, так и в иностранных журналах. В числе приглашенных были Боткин и Сеченов. На первых порах своей деятельности Сергей Петрович поссорился со своим шефом—проф. Шипулинским, человеком не без дарований, но отсталым ученым. После нескольких диагностических споров у постели больного, в которых победа оставалась за молодым Боткиным, Шипулинский меньше чем через год вышел в отставку.

За это время Сергей Петрович уже успел себя зарекомендовать среди студентов и врачей, прикомандированных к академии, как прекрасный лектор, клиницист и ученый. Он устроил впервые в России лабораторию при клинике.

Если принять во внимание, что даже в Париже в то время не во всех клиниках исследовалась моча, то заслуга в этом отношении Боткина большая, так как он впервые в России поставил исследование и лечение больных на строго научную базу.

После отставки Шипулинского Сергей

Петрович естественно ожидал своего назначения на освободившуюся кафедру, однако, ему пришлось выдержать борьбу с немецкой партией, которая в то время вершила всеми делами в академии. Немецкая партия не желала пускать в такую весьма важную клинику молодого русского ученого, а предложила передать клинику немецким преподавателям Экку или Бессеру.

Боткин, узнав об этом, заявил, что он выйдет в отставку, если не получит клинику. Об этом узнали студенты и врачи, прикомандированные к академии, среди которых молодой ученый сумел уже снискать симпатии и уважение. Их возмущение было настолько сильно, что они подали специальное заявление в конференцию военно-медицинской академии с просьбой избрать на освободившуюся кафедру Боткина. Это возымело свое действие. Под давлением общественного мнения стремление немецкой группы избрать Экка не имело успеха, и большинством голосов был избран Боткин.

Получив в руководство клинику, Сергей Петрович отдается делу со всей страстностью своей натуры, работает в лаборатории, где руководит научной работой своих учеников, де-

лает ежедневно обходы больных, детально подвергает их изучению и наблюдению. До Боткина в клинике господствовал грубый эмпиризм. Боткин производит полный переворот в клинике. Признавая, что клиницист не может руководствоваться одними внешними наблюдениями, он вводит экспериментальный метод, привлекая для этой цели молодых талантливых учеников. В его лаборатории 10 лет подряд работал впоследствии знаменитый физиолог И. П. Павлов.

С какой страстностью и любовью Боткин работал в клинике, рассказывает его друг Белоголовый. За два года до смерти Белоголовый посоветовал Боткину оставить на год занятия, ввиду болезни сердца. Услыхав об этом, Сергей Петрович побледнел, замахал решительно руками и, задыхаясь от волнения, вскричал: «Ну как ты можешь подать мне такой совет? Да разве ты не понимаешь, что клиника все для меня и что без нее я жить не могу? Я тогда совсем пропащий человек». Медицина в глазах Сергея Петровича являлась не ремеслом, а одним из способов изучения человека с конечной целью облегчить его страдания и недуги. Успокоить и ободрить больного, утешить окружающих он умел как никто дру-

гой. В интонации его голоса, в улыбке, в жесте сквозило врожденное добродушие и благожелательство. По словам его современников он был воплощенная человечность и доброта, «он так мягко и участливо обходился с больными, с такой искренней сострадательностью проникался страданиями их, что одними этими врожденными качествами приобретал неограниченное доверие больных, причем такая естественная гуманность, чуждая всякой сантиментальности, оказывала прекрасное воспитательное действие на слушателей, неизбежно привыкавших даже во внешних приемах подражать обаятельной личности учителя, и делала его клинику при всех прочих медицинских достоинствах самой образцовой школой для будущих врачей».

Задачи клиники С. П. Боткин в кратких и сильных словах изложил в одной из своих лекций.

В этой лекции он проявляет себя как новатор в области медицины, ломающий старые традиции, нормы и установки. Он указывает, что врачу в своей практической деятельности не следует делать заключение, пользуясь простым инстинктом. Врач должен пользоваться теми методами, которые применяются вообще

наукой для изучения тех или иных форм явлений. Боткин решительно осуждает тех знаменитостей, которые пытались ставить диагноз не после тщательного исследования больного, расспроса, выслушивания, а на «глазок». Он говорит, что у этих знаменитостей случались ошибки весьма грубые.

С. П. Боткин впервые в России обратил внимание на необходимость изучения данных лаборатории при обследовании больного, причем он придает значение индивидуализации каждого случая.

Диагностика у него была безукоризненная.

«В талантливости и врачебной прозорливости Боткина никто не может усомниться», — писал о нем Голубев.

«Проницательность его, как диагноста, была поистине удивительная и обуславливалась не только его талантом, но и самим его методом изучения и разбора больного». (Сиротинин).

Еще до открытия рентгеновских лучей он ставил диагноз острого расширения желудка на почве расстройства иннервации. Его диагноз закупорки воротной вены и в настоящее время является непревзойденным.

При оценке состояния работы сердца он

придает значение не только центральному органу — сердцу, как мотору, но и периферическим сосудам, а также регулирующему аппарату нервной системы.

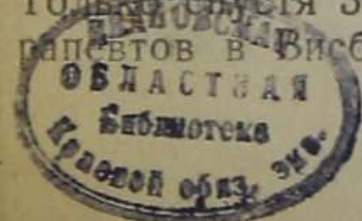
Остается только присоединить новые данные о состоянии желез внутренней секреции для того, чтобы получить современное стройное учение о кровообращении. Предугаданное здесь учение о периферическом сердце намечалось нашим гениальным ученым, когда ни один клиницист в Западной Европе об этом еще не говорил. Всем известны его заслуги в области разработки учения о блуждающей почке. Его гипотеза о связи желчных камней с микроорганизмами, об инфекционном происхождении так называемой катарральной желтухи подтвердилась только спустя 20 лет.

Он указывает на значение нервных центров для развития целого ряда заболеваний внутренних органов, что спустя 60 лет нашло свое обоснование в исследованиях академика Сперанского. Исключительно интересны и теперь еще его лекции по болезням сердца.

Вскоре после рождения микробиологии как науки наступила эпоха естественного увлечения этой наукой, вследствие чего

многие клиницисты отодвигали на задний план изучение роли самого человеческого организма. Боткин выступил против этого слепого увлечения микробиологией и установил на конкретных примерах значение организма человека в развитии заболевания. Так он приводит слушателям пример вспышки эпидемии брюшного тифа в артели рабочих из 50 человек, живущих при совершенно одинаковых гигиенических условиях. Заболели, однако, не все, а только девять-десять человек. Тяжесть болезни различна у различных субъектов: один болеет месяц или более, другой оканчивает свою болезнь в две недели, третий умирает, четвертый хворает несколько дней. Таким образом Боткин подчеркивает значение различной сопротивляемости организма вредным влияниям и в этом отношении далеко опережает своих современников.

Вопрос о питании брюшнотифозных больных много лет оставался спорным. Боткин в 1884 г. говорил своим слушателям: «старайтесь питать этих больных в таком количестве, чтобы было достаточно для пополнения трат, и давайте это с самого начала болезни». Только спустя 30 лет на съезде немецких терапевтов в Висбадене восторжествовало его

мнение. Необходимо отметить научное предвидение Боткина о возможности развития у людей, переболевших заразной болезнью, невосприимчивости к этому заболеванию (приобретенный иммунитет). Он искал специфическую терапию при инфекционных заболеваниях. Таким образом он предугадал учение Мечникова об иммунитете, указал на те пути, по которым должна пойти современная терапия.

Боткин, смотря на медицину, как на отрасль естествознания, поставил клинику на строго научную базу, пользуясь лабораторией и целым рядом строго объективных методов исследования. Увлечение своей деятельностью было настолько сильно, что даже, отдыхая после напряженного академического года, он продолжал заниматься наукой. Так, находясь на даче, он пишет своему другу Белоголовому: «До какой степени меня охватывает какая-нибудь работа, ты не можешь себе вообразить: я решительно умираю тогда для жизни; куда ни иду, что ни делаю — перед глазами все торчит лягушка с перерезанным первым и перерезанной артерией». Работая сам, Сергей Петрович заражал своим энтузиазмом молодежь. Молодые талантливые уче-

ники сгруппировались около него, и уже в первые 10 лет из его клиники вышла целая группа профессоров, из которых многие оставили после себя память потомству как прекрасные ученые и патриоты своей родины. Особенно следует отметить Манасеина в Петербурге, Виноградова в Казани, знаменитого академика Павлова.

Отдавая целый день занятиям в клинике, проводя время в чтении лекций, в научно-исследовательской работе, Сергей Петрович окружил себя талантливыми учениками, и вскоре все чаще и чаще стали встречаться на страницах иностранных медицинских журналов работы русских врачей, сделанные под руководством С. П. Боткина.

Слава его росла из года в год, и в лучах его славы засветились имена его учеников.

В 1867 г. появляется в печати первый выпуск его «Курса клиники внутренних болезней». Книга эта, в которой талантливый ученый в ярких красках рисует одно из тяжелейших заболеваний человеческого организма — болезни сердца, сразу указала на блестящий талант автора и имела выдающийся успех как у нас, так и за границей.

Несмотря на то, что со времени издания

книги прошло больше 70 лет, она и теперь читается с неослабевающим интересом каждым образованным врачом. В следующем году Сергей Петрович выпускает в свет второй выпуск своих клинических лекций, в которых дает прекрасное описание сыпного тифа и излагает учение о лихорадке. Его дифференциальная диагностика различных сыпей, встречающихся при заразных болезнях, и в настоящее время никем из клиницистов еще не превзойдена. В 1869 г. Сергей Петрович приступает к изданию «Архива клиники внутренних болезней», который выходит до самой смерти его редактора. В этом журнале печатались работы по преимуществу его учеников, многочисленные диссертации, ряд весьма крупных клинических и экспериментальных исследований. Многие из этих работ составляют драгоценный вклад в русскую науку.

В 1875 г. выходит третий выпуск его курса «Клиники внутренних болезней», посвященный сократительности селезенки и изменениям при заразных болезнях в сердце, печени, почках и селезенке. Много лет спустя академик Павлов И. П. сказал, что клиническая медицина останется навсегда богатым источником новых мыслей и неожиданных

фактов. Можно без преувеличения сказать, что едва ли есть какое-либо заболевание внутренних органов, в изучение которого Сергей Петрович не внес бы чего-либо нового. Особенно много он внес в понимание желчной колики, болезни сердца, подвижной почки, селезенки, тифа, заболеваний желудочно-кишечного тракта.

Сергей Петрович был крупным новатором, реформатором постановки дела изучения клинической медицины.

Занимаясь научной, издательской работой и клиникой, Сергей Петрович много внимания уделял подготовке нового поколения врачей. На чтение лекций он смотрел как на священную обязанность. По свидетельству его ученика проф. Сиротинина Сергей Петрович, не обладая ораторским талантом, говорил так живо и увлекательно, что студенты слушали его с напряженным вниманием среди полной тишины. Тщательно готовясь к лекциям, он всегда вносил в них всю силу своего природного таланта. Его обобщения клинического материала были совершенно самобытны, оригинальны, не носили книжного характера. Он как бы передавал своим слушателям частичку той любви к науке, того священного огня,

который ярко горел в самом лекторе, истинном творце науки.

Сиротинин пишет о нем следующее: «Нам приходилось впоследствии слушать многих известных европейских клиницистов, и без преувеличения можно сказать, что по обстоятельности разбора болезни, по глубине анализа всех симптомов, по захватывающему нередко научному интересу лекций С. П. — ему безусловно принадлежала пальма первенства».

Интересен штрих, касающийся личности Сергея Петровича. Отдаваясь всецело науке, он имел особую страсть к музыке. Ежедневно в 12 часов ночи он играл на виолончели, а три раза в неделю к нему приходил профессор консерватории, с которым он аккуратно играл больше часа. Причем он продолжал брать уроки музыки до 50-летнего возраста. Сергей Петрович смотрел на музыку как на освежающую ванну после тяжелого трудового дня.

В 1877 г. Сергей Петрович отправляется на Балканы, где принимает участие в русско-турецкой войне. Он проводит лечение раненых и больных непосредственно на поле боя. Его деятельность на войне, его переживания, как врача и патриота, нашли яркое отражение

в его «письмах из Болгарии», впоследствии напечатанных отдельной книгой. В этих письмах выявляется личность самого Боткина, склад его ума, его общественные симпатии и его глубокий патриотизм. Особенно интересным является его письмо к жене с театра военных действий 19 августа 1877 г., в котором он рисует величие нашего народа, его любовь к родине: «Не могу тебе передать, до какой степени симпатичны наши раненные, сколько твердости, покорности, сколько кротости, терпения видно в этих героях, и как тепло и дружно относятся они друг к другу, как утешаются они в своем несчастье тем, что вытеснили или прогнали «его». Сегодня молодой солдатик под хлороформом все бредил неприятелями: «это наш, это наш, — кричал он, — сюда, сюда» и проч. Наконец при более сильной наркотизации он запел песню (вероятно был запевалой) во все горло и пел, пока не заснул вполне. Больные приводятся с ружьями и нередко тифозный без сознания при вытаскивании из телеги первым вопросом делает: «где мое ружье?».

Разве отвага этих неведомых русских солдат прошлого не перекликается с беззаветным героизмом советских воинов, веду-

щих в наши дни грандиозную борьбу с оголтелыми фашистскими извергами?

Вернувшись с театра военных действий, С. П. Боткин приступил к обычным занятиям — работе в клинике, чтению лекций. К этому времени относится расцвет его общественной деятельности. Он избирается председателем общества русских врачей, гласным Петербургской думы, попечителем всех петербургских больниц и отдается новому делу со всей страстностью своей кипучей натуры. Особенно много внимания он уделяет городской барачной больнице для инфекционных больных. Он отдает получаемое им небольшое содержание на устройство лаборатории патолого-анатомического кабинета, выбирает заведующих отделениями больницы из числа лучших своих учеников. Благодаря ему больница стала образцовой не только в России, но и во всей Европе. Заграничные врачи приезжали осматривать больницу, знакомились с ее работой как примером, достойным подражания. Он занимается широкими санитарными мероприятиями. При его содействии был выработан план борьбы с эпидемиями. Благодаря ему был учрежден институт думских санитарных врачей. Однако условия помещичье-

феодалного строя не дали возможности вернуться в полной мере его творческим силам. Так, им был представлен министру внутренних дел доклад о громадной смертности в России. Стоя во главе комиссии по борьбе со смертностью, Боткин предложил ряд мероприятий по улучшению санитарного состояния страны. Сергей Петрович рекомендовал изменить всю структуру учреждений, ведающих санитарными вопросами, и указал на необходимость организации специального Управления по делам здравоохранения. До Октябрьской революции дело здравоохранения находилось в ведении различных учреждений. При министерстве внутренних дел существовал департамент врачебной помощи, функции которого были весьма узкими. Только через 28 лет после смерти Боткина, по указанию Ленина, был организован Народный Комиссариат Здравоохранения, который взял в свои руки заботу о здоровье трудящихся, что привело к значительному снижению смертности среди населения нашей страны.

Комиссия же по борьбе со смертностью, учрежденная под председательством Боткина, просуществовала три года и, не добившись серьезных результатов, вынуждена была пре-

кратить свое существование. Горечь и разочарование испытал этот великий патриот своего времени за эту неудачу. Но таков был самодержавный строй, он не давал возможности лучшим людям страны развернуть все те начинания, которые шли на улучшение положения трудящихся масс.

Посвятив себя вопросам городской и сельской медицины, Боткин делал это не в ущерб своим клиническим занятиям. Он попрежнему продолжал заниматься в клинике, читал лекции и строго следил за развитием европейской науки. Слава его как ученого, клинициста и педагога все больше росла. В связи с 25-летним юбилеем в адрес юбиляра поступили сотни приветствий. Все русские университеты, Петербургская военно-медицинская академия, многие ученые общества, как русские, так и иностранные, избрали юбиляра почетным членом. Юбилей этот очень поднял настроение и бодрость духа Сергея Петровича, и в последующие годы он отдает особенно много времени общественным делам, забывая часто о своих силах и о своем здоровье.

Однако силы его с каждым годом слабели. Появились припадки со стороны сердца.

Уже давно Сергей Петрович страдал желчно-каменной болезнью.

За несколько месяцев до своей кончины он занялся изучением вопроса о естественной и о преждевременной старости. Им намечен был план работы. Он обратил внимание на изучение у «богадельщиков» старческой одышки. Однако 24 декабря 1889 г. оборвалась жизнь вдохновителя этой работы, умер человек, которому мы обязаны развитием русского медицинского образования.

В истории русской медицины имя его занимает центральное место рядом с Сеченовым, Пироговым. Благодаря ему русская медицинская школа заняла почетное место в ряду западных сестер, русская научная медицина пустила прочные корни. Имя С. П. Боткина находится в созвездии лучших имен, составляющих славу русской науки.

ЛИТЕРАТУРА

Белоголовый. С. П. Боткин, его жизнь и врачебная деятельность.

Грейденберг. Боткин и Эйхвальд как преподаватели клинической медицины. Протоколы экстренного заседания Таврического медико-фармацевтического общества, 1890 г. С. Петербург, 1892 г.

Годовин. Памяти С. П. Боткина. Речь на заседании врачебного совещания врачей Марийской больницы 22 декабря 1889 г.

Кисель. Сергей Петрович Боткин. Врачебное дело. 1920 г. № 7.

С. П. Боткин. Архив клиники внутренних болезней 1869—1887 гг.

С. П. Боткин. Курс клиники внутренних болезней. 1, 1912 г. Издание третье.

С. П. Боткин. Клинические лекции. Т. 2, 1912 г. Издание III.

Сиротинин. С. П. Боткин. Помещено в посмертном издании курса клиники С. П. Боткина, 1899 г.

1000

30 КОП.

